

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

УДК 338(470.4):342.24

А.И. Тюленев

ФЕДЕРАЛИЗМ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ПОЛИЭТНИЧНЫХ РЕСПУБЛИКАХ ПОВОЛЖСКОГО РЕГИОНА

ТЮЛЕНЕВ Александр Иванович – доцент кафедры СНиТ МарГТУ, г. Йошкар-Ола. E-mail: lab5@yandex.ru

Автор статьи рассматривает проблему реализации предпринимательского потенциала этносов в условиях многонационального общества и связь этого процесса с федеративным способом административно-территориального устройства государства. Анализируя фактор федерализма в развитии предпринимательской инициативы в этнических сообществах, А.Тюленев опирается на данные опроса экспертов – специалистов по проблемам федерализации и предпринимательства, проведенного в 2009 г. в республиках Татарстан и Марий Эл. Отталкиваясь от полученных данных, автор фиксирует низкий уровень развития основных атрибутов федерализма, в том числе отсутствие эффективного общественного контроля над властно-государственными структурами; формальный характер федерации; неинституционализированность правового государства в отношении правовых гарантий развития частной деловой активности граждан, их объединений и организаций. Делается вывод о существовании в России политico-правовой среды, далекой от подлинного федерализма.

Ключевые слова: Федерализм, теория федерализма, атрибуты федерализма, предпринимательство, предпринимательский потенциал, многонациональное общество, полигиэтничность, экспертный опрос.

В условиях полигиэтничного общества особое значение приобретает характер взаимосвязей между представителями разных национальностей во всех без исключения сферах жизнедеятельности людей. Одной из таких сфер выступает предпринимательство, важность развития которого в период становления рынка трудно переоценить. Рынок, как показывает новейшая история США и других многонациональных государств, порождает эффект «плавильного котла», в результате которого, с одной стороны, формируется универсальная, суперэтничная культура, а с другой – даже в условиях крупных мегаполисов сохраняются ниши для функционирования и развития национальных культур, если их носители испытывают в этом насущную необходимость [1, 400].

Важно, чтобы в сфере предпринимательства, которое, как известно, выступает одной из основных движущих сил эволюции общества от традиционных форм социальных отношений к модернистским способам социальных взаимодействий, степень дискриминации по национальному признаку была сведена к минимуму и каждый этнос

получил возможность максимально полной реализации своего предпринимательского потенциала.

Наиболее благоприятной политико-правовой средой для реализации предпринимательского капитала этносов в условиях многонационального общества выступает федеративный способ административно-территориального устройства государства. По меньшей мере, так утверждает один из ведущих теоретиков аутентичного федерализма В. Остром, который проводит параллели между федеративным принципом устройства большого государства, демократией и самоуправлением. Основанное на принципе федерализма общество мыслится американским ученым как самоуправляющийся социум, в условиях которого управляет не правительство, как при демократии, а народ, стремящийся к созданию оптимальных политико-правовых предпосылок для занятия разнообразной повседневной деятельностью, в том числе хозяйственной и предпринимательской [2, с. 20–21].

Другой видный теоретик федерализма Д. Элазар также связывает федеральный способ организации конструктивного сотрудничества между обществом и государством с демократией и самоуправлением. Основание возможности такого сотрудничества, в том числе в предпринимательской сфере, он усматривает в присущем большинству членов общества типе политической культуры, называемой гражданской культурой. В широком смысле под федерализмом Элазар понимает своеобразный синтез самоуправления и долевого правления через конституционное соучастие во власти на основе децентрализации [3, с. 77–78].

Всматриваясь в систему повседневных взаимодействий местных сообществ, общественных организаций, отдельных граждан и государственных институтов власти сквозь призму теории самоуправляющегося общества, трудно представить, чтобы обладающие гражданской культурой и предпринимательским капиталом индивиды добровольно, по собственной инициативе лишили себя права и реальной возможности заниматься частнопредпринимательской деятельностью. Напротив, организация взаимодействий общества и государства на основе принципов подлинного федерализма создает максимально благоприятные условия для реализации предпринимательского капитала. Причем федеративное государство, оказываясь под постоянным и действенным контролем общества, играет в создании оптимальных для занятия бизнесом условий весьма важную и позитивную роль. В качестве примера можно привести практику последовательного осуществления антимонопольной политики американским федеративным государством на протяжении большей части XX в. [4].

Аутентичное прочтение федерализма как самоуправляющегося общества с последующей практической реализацией в сфере межнациональных отношений важно и с точки зрения сохранения государственного единства РФ, и в плане предоставления формальных правовых гарантий, а также обеспечения реальных возможностей для занятия предпринимательской деятельностью наиболее энергичным и предпримчивым представителям всех этнических сообществ, населяющих территорию страны. Развитие предпринимательства при условии предоставления равных возможностей представителям всех этнических коллективов неизбежно приведет к институционализации межнационального, интернационального по своей сути бизнеса и станет дополнительным мощным фактором сближения, консолидации и сотрудничества народов.

Адекватное понимание федерализма как специфического способа взаимоотношений общества и государства, при котором первое доминирует, а второе реализует волю первого, приобретает особую актуальность в условиях, когда новый импульс получает сформировавшаяся еще в 1990-е гг. трактовка федерализма, в известной мере сходная с элазаровским пониманием федерализма в узком значении слова. Смысл отечественной версии федерализма сводится к тому, что последний рассматривается как процесс вывода системы управления на местные сообщества и корректировки управленческой деятельности с учетом потребностей и особенностей местных сообществ [5, с. 296].

Подобная интерпретация федерализма весьма далека от модели, описываемой в работах Острома и Элазара. «Учет потребностей и особенностей местных сообществ» вовсе не тождественен сути аутентичного федерализма. Государство в своем стремлении «учитывать» интересы населения административно-территориальных единиц не должно снисходить до «выведения системы управления на местные сообщества». Будучи участником общественного договора, наделенным соответствующими компетенциями и ответственностью, оно обязано делать все возможное для того, чтобы создавать условия, способствующие максимально полному удовлетворению политических, экономических, социальных и культурных потребностей местных сообществ.

Хорошо известно, что характер отношений между государством и обществом служит основанием для классификации типов федерализма. Исходя из данного критерия выделяют подлинный (истинный) федерализм, номинальный (формальный) и мнимый (квазифедерализм). Подлинный федерализм основывается на действительно партнерских отношениях между правовым государством и гражданским обществом. Номинальный федерализм строится на формальных партнерских взаимосвязях внеправового государства и подчиненного ему общества. Мнимый федерализм характеризуется полным отсутствием партнерства [6, с. 18–19].

Корректное диагностирование политических систем, позиционирующих себя как федеративные, приводит исследователей к научно обоснованным выводам. Так, например, политическая система бывшего СССР расценивается как «фактическое отрицание федерализма». Западная модель федерализма, реализованная, в частности, в США, рассматривается как такой тип взаимодействий общества и государства, который воплощает в себе «подлинную природу» федеративных отношений. Курс на федерализацию, осуществляемый в постперестроечный период, определяется как квазифедерализм, ведущий к фактической дефрагментации и дезинтеграции страны [7, с. 42].

Чаще всего реализуемую в 90-е годы прошлого века модель федерализации России называли асимметричным федерализмом, усматривая в этом особость российского пути становления в стране подлинно федеративного общества [8]. Между тем классическая теория федерализма рассматривает асимметрию как имманентную характеристику всякой действительной федерации, наиболее полно раскрывающей себя в странах с компактно проживающими этническими меньшинствами [9, с. 273–274].

Перспективы асимметричного федерализма в разгар споров о возможности реализации такого проекта в России виделись участникам дискуссий по-разному. Попытку систематизации мнений по поводу возможного федерального будущего России предпринял Р. Саква. Сконструированная им аналитическая схема получила название «треугольника Саквы». Первый «угол» выражал суть точек зрения, общим знаменателем которых был пессимизм в отношении осуществляющей в России политики федерализации. Наиболее последовательные критики федералистски ориентированной политики правительства

утверждали, что в стране и вовсе начался процесс дефедерализации. Второй «угол» треугольника символизировал мнения участников дискуссии, сводившиеся к тому, что у правительства отсутствует какая-либо ясная и четкая программа федерализации страны. Тип административно-территориального устройства России конца XX в. представители второго «угла» определяли как «феодальный федерализм», предсказывая постепенную дезинтеграцию государства. И, наконец, позиции, заключенные Саквой в третий «угол», выражали мнение, что сложившийся к тому времени баланс сил между центром и субъектами федерации представлял собой ничто иное, как новую, не известную ранее модель федеративной полиэтнической государственности [10].

Спустя десятилетие стало очевидно, что менее всего были правы сторонники третьей точки зрения. Никакой новой модели подлинной федерации Россия на свет не произвела и не могла произвести. По той простой причине, что для создания подлинной федерации в стране не было почти никаких объективных предпосылок. Прежде всего экономических и в первую очередь либерального рынка, дающего возможность предпримчивым гражданам заниматься бизнесом, аккумулировать капиталы и тем самым накапливать средства для эффективного противостояния центральной власти и защиты интересов местных сообществ.

Немногим более правыми оказались сторонники второй точки зрения, исходившие в своих предположениях из заведомо неверной посылки. Никакой «феодальной федерации» быть не может. Этот термин представляет собой типичную абракадабру, выражающую мечту о невозможном химерическом государственном образовании. История свидетельствует, что «феодальный федерализм» — это либо система сюзеренитета, либо состояние феодальной раздробленности. Обе эти формы государственности тяготеют либо к распаду на отдельные административно-территориальные единицы с перспективой превращения в суверенные государства, либо к институционализации или регенерации единого унитарного государства.

Последняя тенденция и наблюдается в сегодняшней России. Укрепление «вертикали власти» говорит о том, что наиболее близкими к истине оказались сторонники первой группы мнений, раньше других обнаружившие симптомы дефедерализации. Впрочем, даже если допустить мысль, что в России в 1990-е гг. и проводилась политика, нацеленная на федерализацию страны, никакой сложившейся действительной федерации не было и быть не могло. Ни в СССР, ни в ее правопреемнице РФ, которые были федерациями формальными, или номинальными. Следовательно, не могло быть и никакой дефедерализации.

Как бы то ни было, мировой опыт развития подлинных федераций показывает, что федеративная система организации взаимодействий местных сообществ и центральных властей, или, в более широком контексте, общества и государства, создает наиболее благоприятный политический режим для развития частнопредпринимательской инициативы отдельных граждан, их сообществ и коллективов. При этом эффект «плавильного котла» сводит к минимуму дискриминацию по этническому признаку в сфере экономической, в частности предпринимательской деятельности.

Социологический ракурс рассмотрения обозначенной в заголовке статьи социальной взаимосвязи нацеливает на то, чтобы, не ограничиваясь собственными оценками, привлечь к анализу мнения квалифицированных специалистов по проблемам предпринимательства и федерализма. Для выявления оценок глубины и масштабов эволюции процессов федерализации, а также корреляций между федералистскими тенденциями и развитием предпринимательской инициативы в этнических сообществах, проживающих на территориях двух сопредельных республик, был проведен опрос названных специалистов в Республике Татарстан (РТ) в июле и в Республике Марий Эл (РМЭ) в декабре 2009 г. В каждой

республике опрошено по 50 экспертов. Обращение к экспертному опросу продиктовано простым соображением: специалисты в области федерализма и предпринимательства располагают большим объемом информации и обладают более высоким уровнем квалификации, чем обычные респонденты, и, соответственно, способны более адекватно оценить состояние и перспективы федеративных отношений как условия развития бизнеса в полигэтнических субъектах РФ.

Анализ мнений экспертов по поводу наличного качества взаимодействий федеральных/региональных властно-государственных структур с органами местного самоуправления как одного из ключевых показателей степени развития федерализма и важного условия раскрытия предпринимательского потенциала граждан подтвердил высказанное ранее предположение, что федерализм в современной России носит скорее формальный (номинальный), а не действительный (подлинный) характер. Абсолютное большинство экспертов, опрошенных в РТ (70,0%), полагают, что органы местного самоуправления контролируются федеральной/региональной властью «в большой» (40,0%) или «в очень большой» мере (30,0%). Основная масса экспертов из РМЭ (58,0%) придерживается аналогичного мнения: 38,0% опрошенных считают, что федеральная/региональная государственная власть контролирует органы местного самоуправления в «большой» и 20,0% «в очень большой» степени.

Абстрагируясь от дискуссии, в какой мере органы местного самоуправления являются учреждениями местных сообществ, а не органами государственной власти на местах, отметим одно обстоятельство, крайне важное с точки зрения развития предпринимательской инициативы отдельных граждан, их групп и объединений. Исторический опыт развития частного предпринимательства, равно как и его научное осмысление, свидетельствует, что подконтрольность местных самоуправленческих органов государственным учреждениям исполнительной власти регионального и федерального уровней, как правило, препятствует массовому проявлению предпринимательской активности прежде всего потому, что неконтролируемая обществом бюрократия, руководствуясь корыстными соображениями, создает множество искусственных препятствий на пути развития частнопредпринимательской инициативы граждан.

В доказательство последнего тезиса приведем известные суждения Г. Бокля, касающиеся роли государства в развитии хозяйственной жизни общества. Даже в Англии, писал английский историк и социолог, где вмешательство правительства в хозяйственную практику было меньшим, чем в других странах, политики нанесли немалый урон экономическому развитию страны. «Задержка цивилизации», утверждал Бокль, есть следствие излишней опеки народа со стороны властной элиты. И наконец, подводя итог рассуждениям на эту тему, английский ученый делал совершенно определенный вывод: общество не может процветать до тех пор, пока его жизнь почти во всех отношениях находится под чрезмерным правительственный контролем [11, с. 154–155].

В условиях подлинного федерализма не государство, а общество контролирует ситуацию в экономике, бизнесе, да и в других сферах общественной жизни. Более того, деятельность самого государства находится под постоянным и неусыпным контролем со стороны общества, важнейшими инструментами которого выступают создаваемые гражданами средства массовой информации, политические партии, профессиональные союзы, неформальные движения.

Переходя от теории к эмпирике, приведем результаты опроса, показывающие, насколько эффективно современные региональные полигэтнические сообщества России

контролируют деятельность государственных органов. Степень подконтрольности государственных учреждений гражданам и организациям, представляющим их интересы, видна из ответов экспертов на вопрос, связанный с тем, насколько современное российское общество способно оказать эффективное воздействие на государственную власть. И в РТ, и в РМЭ центральной осью, вокруг которой расположился весь спектр предложенных экспертам вариантов ответа, оказалось одно и то же мнение — «такое воздействие станет возможным в очень отдаленной перспективе». Имелось в виду эффективное воздействие общества на государство. В РТ это мнение получило поддержку у 60,0%, в РМЭ — у 38,0% опрошенных. При этом значительное число экспертов в РМЭ (10,0%) склонилось в пользу крайней по своей категоричности и бесперспективности с точки зрения усиления общественного контроля над государством как фактора развития частного бизнеса формулировке ответа — «общество никогда не сможет оказывать эффективного влияния на государственную власть». В добавок свыше четверти опрошенных в РМЭ (28,0%) констатировали факт неспособности нынешнего российского общества оказывать эффективное воздействие на государственные управленческие структуры. В РТ таких респондентов также оказалось достаточно много (17,5%).

В свете рассуждений о взаимозависимостях между федерализмом и правовым государством как двумя имманентными компонентами демократической политической системы, формирующей наиболее благоприятный климат для развития частнопредпринимательской инициативы граждан, вновь обратимся к результатам экспертных опросов. Увы, эти результаты не дают оснований квалифицировать современное российское государство как государство правовое. Четверо из каждого пяти участников опроса в РМЭ (82,0%) в той или иной степени не согласны с оценкой РФ как государства правового: 44,0% — «не согласны» и 38,0% — «скорее не согласны, чем согласны».

В отличие от экспертов РМЭ, среди татарстанских специалистов по федерализму и предпринимательству достаточно значителен удельный вес лиц, расценивающих нынешнее российское государство как правовое. Численность таких лиц в общей массе опрошенных составляет 37,5%. При этом 5,0% респондентов «согласны» с оценкой РФ как правового государства и 32,5% — «скорее согласны, чем не согласны». Но большинство (60,0%) все-таки на стороне тех экспертов, которые либо «не согласны» (27,5%), либо «скорее не согласны, чем согласны» (32,5%) с оценкой современного российского государства как государства правового.

Современная социально-гуманитарная наука, исходя из дефиниции правового государства Х. Кельзена, полагавшего, что не человек существует для государства, а, наоборот, государство для человека, наделяет государство, функционирующее в рамках и на основе закона, целым рядом отличительных признаков. Среди них: 1) разделение властей; 2) взаимная ответственность государства и личности; 3) гарантия и реальная защищенность прав человека и т.д. При этом под «разделением властей», в частности, понимают отнюдь не полную независимость друг от друга органов законодательной, исполнительной и судебной власти, а их относительную самостоятельность, закрепленную не только де-юре, но и существующую де-факто. Относительная самостоятельность «ветвей власти» сопряжена и подкреплена взаимным контролем, что позволяет организовать эти «ветви» в единую работоспособную политическую и социальную систему [12, с. 369].

Результаты экспертных опросов показывают, что положение с разделением властей как в РМЭ, так и в РТ далеко от содержания соответствующего параметра идеально-типической модели правового государства. В обеих республиках среди специалистов по

федерализму и бизнесу преобладают высказываемые с различной степенью уверенности мнения («скорее нет, чем да» и «нет»), что реального разделения государственных властей как позитивного фактора развития частного предпринимательства не существует. При этом перевес таких мнений над суждениями противоположного характера («скорее да, чем нет» и «да») в РМЭ значительно больше (54,0% против 22,0%), чем в РТ (52,5% против 45,0%). Не исключено, что различия во мнениях экспертов из РМЭ и РТ обусловлены неодинаковостью ситуаций с разделением властей, сложившихся в республиках к моменту проведения опросов. Впрочем, прямых и бесспорных доказательств того, что достигнутая в РТ степень фактического разделения властей выше, чем в РМЭ, результаты проведенных опросов не дают.

В контексте создания благоприятных условий для развития в РФ гражданского предпринимательства особый интерес вызывают ответы экспертов на вопрос, касающийся наличия в РФ надежных правовых гарантий для лиц, занимающих бизнесом на частной основе и не интегрированных в государственные структуры, «крышующие» предпринимателей-чиновников. Наличие правовых гарантий частной собственности, доходов, бизнеса в целом, как известно, является важным атрибутом правового государства, с одной стороны, и ключевым индикатором подлинного федерализма — с другой.

На вопрос, созданы ли в РФ надежные правовые гарантии для развития бизнеса, представители обеих республик ответили практически одинаково. Свыше четырех пятых опрошенных экспертов и в РТ (83,0%), и в РМЭ (86,0%) из предложенных им вариантов ответа предпочли выбрать либо «скорее нет, чем да» (соответственно 62,5% и 44,0%), либо «нет» (22,5% и 42,0%). Этот результат едва ли нуждается в пространных комментариях. Вывод напрашивается сам собой: почти за два десятилетия интенсивной работы Государственной думы депутаты различных созывов и фракций так и не смогли создать надежную, с точки зрения экспертов по бизнесу, правовую базу для развития предпринимательской инициативы граждан, их объединений и организаций.

В целях определения возможных перспектив обеспечения надежных правовых гарантий для развития частнопредпринимательской инициативы граждан экспертам, полагающим, что в настоящий момент таковые отсутствуют, был задан соответствующий вопрос. Полученные на него ответы не внушают особых надежд на скорое обретение предпринимателями твердых юридических гарантий от внеправового вмешательства государства в дела, касающиеся их предпринимательской практики. Вероятность получения бизнесом надежных правовых гарантий представляется экспертам следующей. В ближайшей перспективе, до 2015 г.: «низкой» — 50,0%, «средней» — 35,0%, «высокой» — 2,5% (РТ); «низкой» — 45,0%, «средней» — 34,0%, «высокой» — 0,0% (РМЭ). В отдаленной, до 2020 г.: «низкой» — 20,0%, «средней» — 52,5%, «высокой» — 7,5% (РТ); «низкой» — 46,0%, «средней» — 36,0%, «высокой» — 0,0% (РМЭ).

Отмечая различия во мнениях экспертов РМЭ и РТ, констатируем, что эксперты из Татарстана более оптимистично смотрят в будущее, полагая, что процесс создания надежных правовых гарантий для лиц, занимающихся бизнесом, будет развиваться. При этом степень вероятности обретения таких гарантий предпринимателями в отдаленной (до 2020 г.) перспективе оценивается экспертным большинством как «средняя». Экспертам из РМЭ будущее создания правовых гарантий для деловых людей представляется в менее радужных тонах: и в ближайшей, и в отдаленной перспективе вероятность получения таких гарантий предпринимателями оценивается большинством экспертов как «низкая».

В контексте весьма противоречивых оценок наличия и перспектив создания надежных правовых гарантий для развития бизнеса несколько странными представляются ответы экспертов на вопрос, поощряет ли исполнительная власть предпринимательскую деятельность граждан? Особое удивление вызывает позиция экспертов из Татарстана, большинство которых (60,0%) полагают, что эта самая власть либо «скорее поощряет, чем не поощряет» (50,0%), либо «поощряет» (10,0%) развитие предпринимательства в России. Эксперты из Марий Эл гораздо скромнее оценивают стимулирующую роль исполнительной власти. Большинство опрошенных специалистов по бизнесу (64,0%) считают, что эта власть либо «скорее не поощряет, чем поощряет» (56,0%), либо «не поощряет» (8,0%) развитие предпринимательской инициативы населения.

Констатируя фактическое отсутствие надежных правовых гарантий и непоследовательность политики региональных властей, эксперты, тем не менее, достаточно оптимистично представляют себе как ближайшее, так и отдаленное будущее взаимоотношений государственных институтов и гражданского бизнеса. Абсолютное большинство татарстанских (52,5%) и относительное большинство марийловских экспертов (44,0%) удовлетворительно оценивают перспективы конструктивного сотрудничества власти и бизнеса в период до 2015 г. В спектре оценок отдаленных (до 2020 г.) перспектив сотрудничества власти и бизнеса появляется (РМЭ, 10%) и существенно расширяется (РТ, 20,0%) сегмент «хороших» оценок будущего взаимоотношений государства и предпринимательства.

Противоречивость экспертных оценок вышеупомянутых аспектов взаимосвязей федерализма и предпринимательства поддается объяснению, если взглянуть на нее сквозь призму постулатов модернистской парадигмы. Переход от традиционных форм социальных взаимосвязей к современным способам существования вовсе не предполагает рыцарского противоборства государства и предпринимательства на основе скрупулезного соблюдения конкурирующими сторонами «писанных законов» в рамках «правового поля». Совсем наоборот. Соперничество между государственным чиновничеством и частным бизнесом носит отнюдь не джентльменский характер, зачастую принимая форму открытого конфликта, когда «борьба без правил» становится важнейшим условием и фактором победы одной стороны над другой.

Заключая статью, выделим главное. Осмысление данных экспертных опросов, проведенных в РМЭ и РТ, позволили сформировать консолидированную позицию специалистов в области федерализма и предпринимательства в отношении степени осуществления в структурно-функциональных и управлеченческих аспектах современной российской государственности принципов федерализма и самоуправления. С минимальной разницей в оценках эксперты из РТ и РМЭ констатировали, что развитие ряда атрибутов федерализма как основы современного гражданского общества и правового государства находится на достаточно низком уровне. К числу таких атрибутов эксперты отнесли: отсутствие эффективного общественного контроля над властно-государственными структурами; подчиненность органов местного самоуправления региональным и федеральным государственным органам; номинальный тип федерации; формальный характер разделения «ветвей власти»; неинституционализированность правового государства в таком важном аспекте, как надежные правовые гарантии развития частной деловой активности граждан, их объединений и организаций. Все это, вместе взятое, формирует политico-правовую среду, мало что общего имеющую с подлинным федерализмом, и тем

самым лишает частный бизнес важнейшей опоры и импульса для дальнейшего роста и прогресса.

Наряду со сходством во мнениях анализ данных экспертных опросов выявил довольно заметные расхождения в оценках респондентами двух республик состояния и перспектив политico-правовых аспектов федерализма как фактора развития предпринимательской инициативы граждан. В частности, эксперты из РМЭ значительно менее склонны рассматривать современное российское государство как государство правовое и несколько ниже оценивают возможности общества осуществлять эффективный контроль над деятельностью государственных органов. В то же время эксперты из РТ несколько более оптимистично представляют себе процесс обретения предпринимательством надежных правовых гарантий, а также более позитивно расценивают настоящие отношения бизнеса и власти, полагая, что в перспективе последняя продолжит и даже расширит практику предоставления гражданам в целом удовлетворительных возможностей для занятия бизнесом.

Комплексный анализ данных экспертных опросов показывает, что расхождения в оценках экспертов двух республик совсем не случайны. Скорее всего, эти расхождения обусловлены общей ситуацией, сложившейся в РМЭ и РТ к моменту проведения опросов и охватывающей гораздо больший спектр социальных факторов и условий, чем рассмотренные политico-правовые аспекты федерализма. Оценка социальных, экономических, культурных факторов и условий, впрочем, выходит за рамки настоящей статьи, и поэтому, возвращаясь к ее проблематике, высажем суждение, которое едва ли будет воспринято однозначно, поскольку оно опирается и вытекает из той трактовки федерализма, которая отнюдь не доминирует в научных и политических кругах российского общества.

Суть данной трактовки сводится к исходным положениям федералистской парадигмы Острома-Элазара, согласно которым федерализм представляет собой не только и не столько тип отношений между дву- и полиэтническими государственными образованиями, сколько наиболее оптимальный способ взаимодействия моно- или полиэтнических местных сообществ и государственных структур. Причем вторые сознательно учреждаются первыми для достижения более комфортных условий существования, функционирования и развития. Такое понимание федерализма акцентирует внимание на отношениях местных сообществ и власти, отодвигая на второй план этнический компонент. Именно по этой причине авторский анализ данных экспертных опросов был нацелен на выявление не национальных, а республиканских (региональных) особенностей в оценках политico-правовых аспектов федерализма и влияния этих аспектов на развитие предпринимательства.

Опыт многолетних наблюдений не дает оснований усматривать основное препятствие на пути развития и рационализации бизнеса в межэтнических трениях и конфликтах. Если в сфере деловой практики и возникают противоречия между русскими, татарами и марицами, то они достаточно быстро и конструктивно разрешаются к обоюдной пользе. Чего не скажешь о конфликтах между властью и местными полиэтническими сообществами. Власть, следуя известной формуле римских императоров «разделяй и властвуй», делает все возможное, чтобы в целях сохранения привилегированного положения расколоть местные полиэтнические сообщества на конфликтующие группы.

Итак, федерализм как общий принцип (идеальный тип) устройства общества и государства по федералистскому образцу, получающий практическое воплощение в ходе длительного процесса федерализации, содержит в себе колоссальный резерв развития

предпринимательской активности граждан различных национальностей, нивелируя межэтнические конфликты. Однако экспертные опросы, проведенные в РМЭ и РТ, показали, что федерализм в РФ на сегодняшний день получил лишь формальное закрепление в ряде нормативно-правовых документов: Конституции Российской Федерации, Конституциях субъектов Федерации и т.п. Социально-экономические, практически-политические, политико-правовые, политico-культурные и прочие аспекты, предпосылки и условия федерализма еще очень и очень незрелы, что естественно для общества «догоняющей модернизации», которое сначала «меняет вывеску» и только потом медленно и трудно «подгоняет» обновляемый объект под «модернистский стандарт».

Все это, тем не менее, не снижает актуальности научного анализа федерализма как важного фактора развития частного предпринимательства и деловой активности в целом. Вместе с тем, исследуя выделенную проблему, необходимо понимать, что эта проблема в России, в отличие от развитых в модернистском и постмодернистском отношении стран, носит скорее когнитивный, чем прикладной характер.

Литература

- 1 Гидденс Э. Социология. М. : Эдиториал УРСС, 1999.
- 2 Остром В. Смысл американского федерализма : что такое самоуправляющееся общество / пер. с англ. А. Оболонского. М.: Арина, 1993.
- 3 Элазар Д. Дж. Европейское сообщество: между государственным суверенитетом и субсидарностью, или Иерархия против коллегиальности в управлении Европейским сообществом // Казанский федералист. 2002. № 4. С. 57–78.
- 4 Будро Д. Антимонопольная политика на службе частных интересов : лекция дир. центра по изучению обществ. выбора при Ун-те Джорджа Мейсона Дональда Будро, прочит. 16 сент. 2010 г. в Политехн. музее в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру» // Полит.ру : [веб-сайт]. 2010. URL: <http://www.polit.ru/article/2010/12/27/monopoly1>.
- 5 Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф. Россия. В чем суть бытия? : историко-философ. размышления. М. : Республика, 1994.
- 6 Аринин А. М. К новой стратегии развития России : федерализм и граждан. об-во : идеино-теорет., полит. и правовые аспекты. М. : Северо-Принт, 2000.
- 7 Хакамада С. Политическая реформа и возможность федерализма в России // Федерализм в России / под ред. Р. Хакимова. Казань, 2001. С. 39–44.
- 8 Лапидус Г. Асимметричный федерализм и государственное строительство в России // Федерализм в России / под ред. Р. Хакимова. Казань, 2001. С. 285–294.
- 9 Бари Д. Переосмысливая асимметричный федерализм // Федерализм в России. / под редакцией Р. Хакимова. Казань, 2001. С. 273–284.
- 10 Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России // Политические исследования. 1997. № 1. С. 61–82.
- 11 Бокль Г. Т. История цивилизаций. История цивилизации в Англии. Т. 1. М.: Мысль, 2000.
- 12 Ирхин Ю. В. Политология: учебник. М. : Экзамен, 2006.